

**ЮРИЙ
ПОЛЯКОВ**

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

2013–2024

Созидательный реванш

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

В КНИГЕ ПРИСУТСТВУЮТ УПОМИНАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
(FACEBOOK, INSTAGRAM), ОТНОСЯЩИХСЯ К КОМПАНИИ
МЕТА, ПРИЗНАННОЙ В РОССИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
И ЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ ЗАПРЕЩЕНА.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Поляков, Юрий Михайлович.

П54 Собрание сочинений. Том 13. 2013–2024: Том 13 / Юрий Поляков. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-17-188037-8 (Юбилейный Поляков)

ISBN 978-5-17-188038-5 (Юбилейный Поляков(супер))

Юрий Поляков не боится предстать перед читателем в развитии. Его ошибки, заблуждения, метания, обольщения, разочарования происходят не от желания приспособиться, прильнуть, «встроиться», а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий?» В сущности, тот путь, который за минувшие тридцать лет проделал молодой «прогрессивный» прозаик, пытавшийся лечить советскую власть с помощью агрессивной правды, прошла и вся думающая часть нашего общества. Мы поняли: если на наручниках выгравировано слово «свобода», они от этого не перестают быть наружниками. Мы все изменились.

В настоящий том вошли интервью с 2013 по 2024 гг.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-188037-8 (Юбилейный Поляков)

ISBN 978-5-17-188038-5 (Юбилейный Поляков(супер))

© Поляков Ю.М.

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Мыши и теплоходы

На Российском литературном собрании не удалось сказать о многом. Например, о российском постмодернизме, не совпавшем с национальными историческими смыслами и оставшемся игрой седомудрых тинейджеров. Или — о новых реалистах, вообразивших, будто фекальная масса, вогнанная в текст под большим давлением, делается алмазной прозой. Не делается. Можно было бы поговорить о современной поэзии, которая пренебрегла предостережением Николая Заболоцкого и превратилась-таки «в бормотанье сверчка и ребёнка», поэтому нечего удивляться, что стихи теперь не собирают ни залов, ни тиражей. О центонном зубоскальстве, продолжающем традиции «агиток Бедного Демьяна», и говорить нечего: не та материя — бумазая. Надо бы вспомнить и о критике, которая давным-давно променяла осторожное советское правдолюбие на сытую цепную жизнь в подворотнях премиальных фондов и околотературного глянца. У нынешних критиков даже лица стали какие-то уклончивые...

Кто плавал по Волге, замечал, конечно, что теплоходы чаще всего носят имена писателей: «Пушкин», «Толстой», «Чехов», «Маяковский», «Шолохов»... Это не реликтовый каприз агитпропа, это законное признание того, какую огромную роль играла литература в истории нашей страны до последнего времени. Нас даже называли литературоцентричным обществом. Однако с конца 80-х стала активно внедряться мысль, что, мол, литература — дело частное, интимное, кухонное, что любая сцепка изящной словесности с го-

сударством — верный признак недобитого тоталитаризма. Кстати, «голливудоцентричность» почему-то не помешала американцам стать мировым лидером и глобальным дистрибьютором демократии.

Конечно, можно бы согласиться с тем, что литература — дело частное, и почить на грантах, периодически по линии Агенпопа выезжая за рубеж, чтобы поругать своё Отечество и посодействовать глобальным затеям иных держав. В самом деле, какое дело «поэту мирному» до того, что в нашей стране катастрофически упал интерес к чтению, а грамотность скоро вернётся к уровню 1920-х, когда начинал свою работу незабвенный ликбез.

Какая забота «новодрамцу» до того, что репертуары театров наполнены вивисекцией классики или переводным смешиловом, а современную российскую пьесу читают друг другу в лабораторных кружках, как раньше доклады энтомологов-любителей. Писатель некогда был частым гостем в библиотеках, школах, студенческих аудиториях, на заводах, стройках, в научных институтах. Низко для высокого искусства? Наверное, не ниже, чем декламация рифмованной матерщины на устричных корпоративах. Следуя наказу Гоголя, писателю давали возможность «проездить по России». Существовала целая система, в частности Бюро пропаганды художественной литературы. Не нравится слово «пропаганда»? Не надо. Пусть это будет общество ревнителей русского слова. Никто лучше писателя не увлечёт молодого человека книгой. Хотя при этом надо помнить: хорошая книга делает человека лучше, а плохая — хуже. И если советская литература изнывала от платных оптимистов, то теперь она зашлакована штатными пессимистами, выпестованными букерами. А впрочем, кому какое дело? Литература-то — дело частное... Кстати, зачатие и деторождение — тоже дело глубоко частное, даже интимное, однако от этого зависит демография и в конечном итоге историческая судьба народа. Впрочем, что до судьбы народа литератору, измученному национальной самоидентификацией, как мятущийся транссексуал — очередной сменой пола.

Однако есть, есть ещё писатели, сознающие неразрывную связь своего труда с «безъязыкой улицей». Как быть с ними? Сегодня, когда немощные союзы писателей с большим аппетитом окормляют в основном самих себя, необходимы новые формы организации писательского сообщества. Помните анекдот про низкорослую

семью? Сын приводит в дом лилипутку и объявляет: «Женюсь!» А мудрый отец задумчиво говорит: «Сынок, эдак мы и до мышей дождемся!» Так вот, дожились-таки мы до мышей: в реестре профессий писатели вообще отсутствуют. Нет такой профессии! Пока не будет принят закон о творческой деятельности, любое объединение литераторов для власти по статусу останется примерно тем же, чем является общество любителей розовых черепашек. Очевидно: для выхода из системного кризиса писательскому сообществу необходима правовая и техническая помощь государства. Да, помощь, и нечего кричать о том, что писателей снова «построят». Когда в начале кризиса зашатались российские банки и власть вбухала в них гигантские бюджетные средства, почему-то правозащитники не кричали о наступлении на свободу предпринимательства. Хотя по рыночной логике можно было бы сказать: «Зашатался — падай. Придут другие, молодые, сильные...» Нет, насыпали банкирам денег, как леденцов улыбочивому дебилу.

Наша литература наконец должна всерьёз начать сотрудничать с государством, своим, между прочим, — не чужим. Сотрудничать, а не обслуживать. Официантская бабочка мастеру слова не к лицу. Впрочем, некоторые вместо бабочек носят белые ленточки. Убеждён, у отечественной словесности наконец должны появиться общие с государством проекты, нацеленные на будущее державы и связанные с развитием отечественной культуры. Инструментом этого сотрудничества могло бы стать Российское литературное общество, воссозданное по аналогии с Военно-историческим обществом, успевшим за короткий срок серьёзно потеснить в информационном пространстве казённый антипатриотизм, который насаждали в стране с начала 1990-х, как прежде Хрущёв кукурузу. Конечно, если литератору неприятие любой власти необходимо для обмена вещами, он так и останется в глумливой оппозиции к любому общему делу. Имеет право. Мы живём в свободной стране. Но настоящая литература живет в железной клетке красоты.

«Литературная газета», 2013 г.

Как я стал консерватором?

Вопрос, конечно, почти мемуарный: чтобы ответить, придется вспоминать. Например, о том, что во времена моего ученья слово «консерватизм» воспринималось почти как мракобесие. Нас убеждали: это нечто затхлое, безнадежно тормозящее неизбежное движение вперед. Советское воспитание, как, впрочем, и передовое дореволюционное просвещение, было позитивистским, внушавшим безусловную веру в прогресс, в то, что сегодняшний день обязательно лучше вчерашнего, а завтрашний будет лучше, чем сегодняшний. Для воспитания активного преобразователя жизни установка неплохая, а вот как быть с сохранением достигнутого предшественниками? И кто будет решать, что отжило, а что можно взять с собой в будущее? Но в ту пору о подобных «заморочках» я как-то не задумывался.

Позитивистская иллюзия стала рассеиваться у меня в конце 1980-х благодаря «перестройке» и «ускорению». Я вдруг обнаружил: то новое, что навязывается взамен «обветшавшим, застойным формам», совсем не лучше, а часто хуже прежнего жизнеустройства. Будучи редактором газеты «Московский литератор», я близко наблюдал Ельцина и его команду, вломившихся в московскую власть. К своему удивлению, я обнаружил, что как руководители они оказались гораздо слабее своих предшественников. Примерно то же самое стало происходить и в нашей писательской среде. Прежде говорили, что у нас засилье так называемых «литературных генералов», «брежневских любимчиков». Но пришли новые люди

и оказались как писатели гораздо бледнее, а как организаторы просто ничтожны. Именно с них началась деградация литературного процесса, закончившаяся ныне крахом. Под мантры о ветрах обновления начался самый настоящий регресс.

Люди горбачевского призыва начали все ломать и менять не потому, что у них был план преобразования страны, а потому что они, как и я, были воспитаны в ложном убеждении, что новое лучше старого лишь потому, что оно новое. Эффектность была важнее эффективности. Я не идеализирую советских руководителей, они с опаской воспринимали новизну, но это было осложнение от прививки революционного погрома под лозунгом «до основания, а затем...» Те, кто жаждал «до основания», были уничтожены, а уцелевшим досталось «а затем». Я тоже формировался в эпоху «а затем».

Консерватором я стал, осознав, что новизна бывает обогащающей и обедняющей. Новизна нужна только тогда, когда она что-то добавляет к сделанному в прошлом, в противном случае она разрушительна, ведь сделать хуже, чем было, тоже новизна. Но кому она такая нужна? Взять тот же комсомол. Были у него недостатки? Множество, об этом моя повесть «ЧП районного масштаба». А сейчас у нас вообще нет настоящей молодежной организации да, в сущности, и молодежной политики нет. Ново? Ново. Лучше стало? Хуже... Зачем отказались от того, что работало и давало результат?

Мои консервативные убеждения стали формироваться во время перестройки. Потом пришли 1990-е, и я понял: худшие мои предчувствия сбылись. К тому времени я был уже в жесткой оппозиции к тому, что делали в стране либералы. Они вообще странные ребята. Я задавал своим либеральным коллегам вопрос: «Октябрьская революция — зло или благо?» «Безусловное зло!» — отвечают. «А почему же тогда вы ни слова не говорите о тех русских консервативных мыслителях, которые пытались противостоять надвигающейся катастрофе?» — «Например?» — «Катков, Суворин, Меньшиков...» — «Ну, ты сказал! Они же мракобесы...» Странно? Нет, нормальная позиция для тех, кто является историческим наследником разрушителей Российской империи.

Сейчас мы в сложной ситуации. Либералы-западники чрезвычайно влиятельны в нашей элите, хотя большинство из них ныне

рядятся в патриотические кафтаны, ибо большинство настроены консервативно-почвеннически. Надеясь на задрапированных либералов, власть в решающий момент рискует опереться на пропасть. Когда я пишу эти строки, по телевизору показывают 6-й экономический гайдаровский форум. Почему бы тогда не провести геростратовский градостроительный съезд? То же самое... Зачем эти игры с увековечиванием накосячивших завлабов? Для Запада! Думаете, оценит? Ну-ну...

Президент на новогоднем приеме высказал важную мысль, не попавшую почему-то в СМИ. По его мнению, сегодня наша страна подобна рыбе, насаженной на кукан. Когда мы всё делаем, по мнению Запада, правильно, нам позволяют как бы свободно плавать в воде — на леске. Но как только мы проявляем самостоятельность и вольнодумие, кукан вынимают из воды и диктуют, как надо себя вести в однополярном мире. Президент сказал: наша задача — с этого кукана соскочить. Очень трудно, но необходимо. Либералы-западники нас на этот кукан насадили, освободиться можно, только опираясь на национально-консервативную традицию.

А по телевизору показывают гайдаровский форум... Странные времена!

Журнал «Историк», № 1, 2014 г.

Косяк на Камергерском

Побывал на открытии Года литературы в МХТ имени Табакова. Ну, что сказать? Обычный либеральный капуста с глумливым реверансом в сторону Кремля. Актеры за редким исключением читали из рук вон плохо. Иных хотелось убить из рогатки прямо на сцене. Подбор стихов тоже в духе московского кухонного сопротивления тоталитаризму. Если Пушкин, то, конечно, «Не дорого ценю я громкие права...» Если Лермонтов, то, разумеется, «Люблю Отчизну я, но странною любовью...» Какой же еще? Граждане, видимо, и не подозревают, что Пушкин написал «Клеветникам России», а Лермонтов «Бородино». Стихи, кстати, в нынешней исторической ситуации весьма актуальные. Правда, сам Табаков прочитал про «дороги Смоленщины» Симонова. Видимо, будет снова просить у власти на бедность.

И. конечно, никакого тебе Некрасова, Маяковского, Есенина, Твардовского, Рубцова, Соколова... Даже одного Евтушенко забыли, как Фирса. К советской же литературе отношение у организаторов капустника, как к куче дерьма с редкими сапфировыми инкрустациями. Кирсанов, например. Странно, что Веру Инбер забыли! Среди озвученных нынешних поэтов между моим однокурсником Кибировым (Запоевым) и неведомым Сваровским (почему не Фаберже?) оказался, конечно, и Пригов. Из его дурашливой графомании сестра миллиардера Прохорова мастачит мирового классика, ставя уникальный эксперимент по канонизации чепухи. «Вот!» — как гениально выразилась Вера Павлова.

При этом открытие Года литературы в многонациональной нашей стране обошлось как-то без всякого упоминания о национальных литературах: не было ни Тукая, ни Кулиева, ни Гамзатова... Вероятно, нижегородский библиофил Сеславинский, рулящий Роспечатью дольше, чем Брежнев — СССР, искренне считает, что в России живут и сочиняют только два коренных народа — русские и евреи — с явным преобладанием последних. А все татары, например, пали в битве при Калке. Ну, ладно, президент открыл мероприятие и уехал: у него дела — серьезные терки с Обамой. А вот остальные отцы Державы остались сидеть в почетном ряду и на все это «косячество» (точнее, вредительство) хлопали улыбочными очами. Интересно, они дружбу народов Российской Федерации, едва собранной после развала СССР, с помощью нобелевского эмигранта Бродского укреплять собираются?

Была на этом шабаше толерантности и еще одна фенька: по заднику сцены то и дело проплывали косяками фамилии отечественных писателей разных времен и достоинств. Одни покрупней, другие помельче. Из здравствующих литераторов проплыли, конечно, Улицкая, Павлова, Толстая, еще кто-то в том же, букеровском, роде. Писателей русского направления гуртом представлял один Распутин. Видимо, организаторам его фамилия понравилась. И на том спасибо! Но самым крупным толстолобиком проплыл по заднику Захар Прилепин, что справедливо и заслуженно. Я без иронии. Он уникален в отечественной словесности, ибо одновременно стал лауреатом Большой книги и журнала «Наш современник», а это как если бы в годы Великой Отечественной войны носить на груди сразу и Железный крест, и орден Ленина. Правильно: уж если сосать, то всех маток сразу!

«Литературная газета», январь 2014 г.

Оскародоносец

Говорил и повторю: в картинах Звягинцева («Левиафан» не исключение) художественность с самого начала подменена идеологической схемой, как это было в худших советских фильмах третьей категории. То, что сладкоголосые птицы нашей кинокритики, задыхаясь от катарсиса, называют «художественностью», — это всего-навсего мастеровитость: человек ВГИК окончил и кое-чему научился. Конечно, подгонку фильмов под негласные требования заграничных русофобов, определяющих вкусы и предпочтения главных зарубежных жюри, придумал не Звягинцев, но среди кинематографических портных, шьющих на заказ, он будет одним из первых. Особенно ему удастся имитация бескорыстно-спонтанного правдоискательства при реализации абсолютно прагматического проекта. Ну да, сейчас такое время — охотно дают премии за презрение к России, за изображение нашей страны тупиковой ветвью человечества, достойной участи Югославии или Ирака. И о чудо: внутренняя творческая эволюция Звягинцева, извернувшись, мучительно совпала с мировой конъюнктурой. Он выдал требуемое, заодно для достоверности изобразив трагическое разочарование большого русского художника в своем немытом Отечестве. А если завтра Путин, Меркель и Обама вдруг сольются в групповом общечеловеческом экстазе, тот же Звягинцев сразу обнаружит в нашем незлобивом народе множество милых, даже завидных свойств, не забыв и в этом случае получить в награду свою «бочку варенья». Пардон, джема.

О художественной ценности «Левиафана» даже не стоит говорить. По жанру я бы отнес его к подвиду «оскародоносных» фильмов. Анализировать такие — то же самое, как рассуждать, хорошо ли выглажены брюки у трамвайного карманника. Допустим, идеально. И что дальше? Но об Алексее Серебрякове не сказать не могу. Если бы учредили актерские премии и награды за монотонность и однообразие, он бы собрал все сразу. Кого бы ни играл Серебряков — командира штрафбата, урку, крестьянина, рогатого автослесаря — он одинаков, как башмаки фабрики «Скороход».

А вот еще подтверждение тому, что «Левиафан» — просто ветхозаветная агитка. Ну скажите, сильно бы пострадал, изменился по смыслу фильм «Судьба человека», если бы героем оказался не русский солдат, а, скажем, татарский? Думаю, не сильно. Ну, закусил бы герой не после третьей, а после второй. И всего делов-то. А теперь попробуйте вообразить на месте звягинцевских персонажей — мерзавца-мэра и хриstopродавца-владыки — не русского начальника и не православного иерарха. Разве нет у нас мэров, депутатов, скажем, из мусульман или иудеев, а то и буддистов? Есть. И окормляют их, как вы догадываетесь, не батюшки. Страшно подумать, сколько за такое кино надавали бы режиссеру глобусов, сколько Оскаров добавили бы и сколькими бы пальмовыми ветвями высекли. Это только у нас за конъюнктурное поношение своей страны можно получить «Золотого орла», вскормленного на казенные деньги.

Но самое грустное заключается в другом. С точки зрения формальных признаков жизненного успеха тактика таких, как Звягинцев, безошибочна. Ведь только за показательное отвращение к своей стране можно сегодня получить признание и поощрение просвещенного Запада. Далее с избранным российским деятелем культуры происходит примерно то же, что и с раскрученным брендом. Вроде бы бритв до чертовой матери, но в голове почему-то крутится один «Жиллетт» — «лучше для мужчины нет». Потом, овеванный рассчитанной гонимостью, пророк возвращается в Отечество (лучше на паровозе через всю страну) и становится для народа чем-то вроде водки «Смирнофф». Да, наша расейская, но уже с двумя «ф» на конце. Почувствуйте разницу! А дальше — самое главное: спохватившаяся родная власть изнемогает, чтобы

вернуть благорасположение заблудшего, но всемирно знаменитого овна, оплачивает его бессовестно раздутые творческие сметы, по секундомеру вручает ему ордена к дням рождения и, наконец, с официантской поспешностью отливает бронзовый памятник великому «возвращенцу» в назидание прочим.

А теперь назовите мне три причины, по которым взыскующему славы режиссеру не стоит снимать фильмы, подобные «Левиафану»! Одну я, впрочем, сам знаю: порядочное отношение к Отечеству. Остальные, может быть, вы мне подскажете?

«Литературная газета», 2014 г.